

УДК 821.161.1–31.09"19"
DOI 10.25688/2076–913X.2020.39.3.05

**Д.В. Громов,
А.В. Громова**

Люди и животные в романе «Тихий Дон»

В романе М.А. Шолохова выделяется три онтологических уровня: жизнь людей, жизнь животных и природные события. Первые два уровня тесно связаны: порой одно и то же событие случается и с человеком, и с животным. Среди многочисленных анималистических образов наиболее значимыми представляются конь и волк. Кони — верные спутники казака как в мирном труде, так и на войне — изображаются как самостоятельные персонажи. Черты волка используются для характеристики людей, морально покалеченных войной.

Ключевые слова: М.А. Шолохов; анималистические образы; поэтика эпической прозы.

В результате пересмотра литературного процесса XX в. роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон», ранее репрезентовавшийся как образец социалистического реализма, стал рассматриваться в иных аспектах. Появились масштабные исследования (А.М. Минаковой [3], Н.Д. Котовчихиной [2], Н.М. Муравьевой [4], Д.В. Поля [6]), посвященные прозе Шолохова, ее онтологии и поэтике, эпической стратегии характеров, универсальности образов. Должное внимание было уделено и природному миру произведения: раскрыты мифопоэтические подтексты, отражающие земледельческую картину мира, охарактеризована многообразная символика природных стихий (воды, солнца, земли и неба), специфика и функции пейзажа. Анималистика стала предметом специального изучения в диссертации Е.М. Никитиной, рассмотревшей образы животных как концепты, имеющие мифопоэтическую основу и соотнесенные с конкретными персонажами [5]. Однако данная тема представляется более широкой и не до конца исчерпанной.

В романе Шолохова «Тихий Дон» можно выделить три онтологических уровня течения времени: 1) события, происходящие в мире людей; 2) события, происходящие с животными; 3) природные события.

Природные события происходят независимо от жизни людей. Иногда они эмоционально резонируют с событиями человеческой жизни, например проклятие Натальи в адрес мужа совпадает с грозой. Но это скорее исключение: трагические события происходят на фоне идиллически спокойных

пейзажей; идея неспешного и самодостаточного течения времени, проявляющегося в природных процессах, отражена и в названии романа — «Тихий Дон».

Иначе в сюжетные ходы романа встраиваются животные, при этом домашние и дикие животные соотносятся с миром людей и миром природы по-разному.

Домашние животные действуют совместно с людьми и являются неотъемлемой частью социальной жизни и в мирные дни, и на войне. Кони, собаки, домашний скот, птица, кошки и даже мыши — части человеческого «космоса», выстроенного вокруг казацких станиц и хуторов.

Дикие животные редко непосредственно участвуют в событиях, они избегают людей. Неоднократно встречаются упоминания о том, что дикие животные покидают зоны боев; так, на первом снегу «чаще попадались на глаза людям следы зверей: волки, лоси, дикие козы, вспугнутые войной, покинувшие дикие урочища, уходили в глубь страны» [1, т. 3, с. 57]. В сферу деятельности человека дикие животные обычно оказываются втянуты невольно, как жертвы.

Тесная связь мира животных и мира людей проявляется в том, что с ними нередко происходят сходные события; данный параллелизм является устойчивым художественным приемом Шолохова. Например, в описании жизни на хуторе во второй части романа упоминаются два персонажа — новорожденная девочка и гусь: «За все время случилось лишь два события, встряхнувших заплесневелую в сонной одуре жизнь: Аксиньины роды да пропажа племенного гусака. К девочке, которую родила Аксинья, скоро привыкли, а от гусака нашли за левадой в ярке перья (видно, лиса поškodила) — и успокоились» [1, т. 2, с. 220]. Одновременное упоминание младенца и гуся наводит на мысль о сходстве их судеб; и действительно, очень скоро жизненный путь девочки пресекается, и она находит покой не на кладбище, а также неподалеку от усадьбы: «Возле пруда, под старым разлапистым тополем вырыл дед Сашка крохотную могилку» [1, т. 2, с. 384].

Домашние животные наравне с людьми занимаются сельскохозяйственным трудом. Любовь и страсть мужчин и женщин рифмуется со взаимным влечением животных. Война и насильственная смерть тоже являются делом не только людей, но и животных: «Смерть-то над каждым <...> крылом машет» [1, т. 5, с. 32]. И даже дикие звери, далекие от войны, порой становятся ее жертвой, как ворон, которого зацепил шальной артиллерийский снаряд. Жизнь животных воспринимается людьми такой близкой, что старый казак Пантелей Прокофьевич Мелехов, пишущий письмо сыну, вперемешку упоминает важные матримониальные новости, смерть внука и многочисленные события, связанные с домашним скотом [1, т. 2, с. 238].

Приведем несколько примеров параллелизма жизни животных и людей.

Событие в мире людей	Событие в мире животных
Пожилые казаки (Пантелей Мелехов и его товарищ) узнают о самоубийстве атамана Каледина; они чувствуют себя дезориентированными, осиротевшими без руководства [1, т. 3, с. 286]	Пантелей Прокофьевич пьяный засыпает в санях; лишившись руководства, слепая кобыла тонет в полынье вместе с санями [1, т. 3, с. 289]
Молодые казаки возвращаются после присяги и видят на берегу Дона волка, которого дразнят на расстоянии; он убегает от них на другую сторону [1, т. 3, с. 167]	Григорий Мелехов после прихода красных бежит через открытое пространство Дона, «как нашкодившая собака перед хозяином» [1, т. 4, с. 130]. Это событие сопровождается «звериными» аллюзиями: «Выстрелы все еще хлопали пастушьим арапником» [1, т. 4, с. 142], «Как за зверем били!» [1, т. 4, с. 142]. Позже Михаил Кошевой, спасаясь от восставших казаков, размышляет, что «на белом просторе Дона лошади и седоки стали бы прекрасной мишенью» [1, т. 4, с. 191]
Мать Григория спасает Михаила Кошевого [1, т. 4, с. 193–194]. Старая казачка спасает красноармейца, прикидывающегося сумасшедшим; провожая его, говорит: «Я не одна такая-то, все мы, матери, добрые...» [1, т. 5, с. 33–34]	Михаил Кошевой спасается на подсосой кобыле с жеребенком. «Кобыла часто ржала, боясь потерять сосунка» [1, т. 4, с. 194]
Степан Астахов присоединяется к охоте на волка, которую ведет Листницкий при участии Григория Мелехова [1, т. 2, с. 204–205]	Степан Астахов сам становится объектом охоты немцев; его спасает Григорий Мелехов [1, т. 3, с. 49–50]

Упоминания животных в романе различаются по форме и могут быть объединены в несколько групп. Во-первых, животные принимают непосредственное участие в событиях, описанных в романе, являются его персонажами. Во-вторых, различные черты животных приписываются людям, таким образом раскрываются особенности внутреннего мира людей. В-третьих, животные часто фигурируют в фольклорных текстах: присказках, поговорках, песнях, заговорах, топонимических преданиях и пр. Есть и другие включения наименований животных, не относящиеся к этим группам.

Количество упоминаний **коня** в романе подсчитать невозможно, поскольку это животное является неотъемлемой частью как мирной жизни казака, так и его военной службы, причем в последнем случае кони действуют в единстве с людьми как *кавалерия*. Концепт *коня* соотносится исследователями с образом Пантелея Прокофьевича [5, с. 126–130], но можно утверждать, что в романе Шолохова этим животным придан самостоятельный онтологический статус.

Кони совершают самые разные действия: они заняты на сельскохозяйственных работах, перевозят людей верхом и в запряжке, транспортируют грузы, участвуют в скачках и псовой охоте. В дороге с конями случаются неприятности: они тонут, ломают ноги; их бьют; иногда они противятся хозяевам, их приходится умирять. Кони едят, пьют, спят, спариваются, жеребятся; радуются возвращению домой, скучают, если хозяева отсутствуют. В условиях, близких к естественным (на отводе Вешенского юрта), лошади живут «первобытной, растительной жизнью» [1, т. 4, с. 35]; а наблюдающий за ними Мишка Кошевой проникается «глубоким уважением к их уму и нелюдскому благородству» [1, т. 4, с. 65], которое невольно рождает в уме «противопоставления не в пользу людей» [1, т. 4, с. 65]. О конях поют песни, на них делают заговоры. Кони вместе с казаками уходят на военную службу; они переживают долгие переходы, участвуют в атаках, не боятся свиста пуль и разрыва снарядов, многократно спасают людей. И, конечно, погибают, и вместе с людьми, и отдельно, как бы принимая на себя опасность и судьбу, предназначенные людям: «Три коня были убиты под Григорием за осень, в пяти местах продырявлена шинель. Смерть как будто заигрывала с казаком, овевая его черным крылом» [1, т. 4, с. 98] (здесь и далее курсив наш. — Д. Г., А. Г.). Дуальное единство людей и лошадей выражено словами зрителя отвода: «Они — как люди, немые только» [1, т. 4, с. 33].

Описание и мирной, и военной жизни казаков Тихого Дона наполнено «конскими» метафорами. Так, во время сватовства к Наталье «Григорьевы глаза в минуту обежали всю ее — с головы до высоких красивых ног. Осмотрел, как барышник оглядывает *матку-кобылицу* перед покупкой» [1, т. 2, с. 75]. Старого казака, призывающего к началу Вешенского восстания, автор описывает кратко, посвящая обширный фрагмент текста тому, как «под ним ходуном ходила красавица кобылица, четырехлетняя нежеребь, рыжая, белоноздрая, с мочалистым хвостом и сухими, будто из стали литыми ногами» [1, т. 4, с. 196]: страстная кобылица является едва ли не организатором восстания.

Аграрный мир казаков в какие-то моменты делает их словно частью сообщества животных. Так, Пантелей Прокофьевич, озабоченный сохранностью стада перед лицом опасности, как бы сам превращается в животное-вожака: «Он, как стоялый *жеребец*, затопал ногами, чуть не упал, споткнувшись о лежавшего у печки козленка» [1, т. 4, с. 117].

Жизнь людей на донской земле настолько тесно связана с лошадьми, что «конскими» метафорами мыслят не только простые казаки, но и образованные уроженцы края. Так, Евгений Листницкий, рассматривая в прифронтовой полосе труп лошади, размышляет о собственной смерти; он «по ноге, по тонкой точеной бабке определил, что лошадь была молодая и хорошей породы» [1, т. 2, с. 341].

В отличие от коня, образ **волка** довольно редко появляется на страницах романа: единожды молодые казаки наблюдают его с берега Дона и один раз

описана охота на волка, дважды упоминаются волки в среде их обитания [1, т. 2, с. 187]. Вместо этого приметы и повадки волка (бирюка) присутствуют в облике многих людей. Е.М. Никитина отмечает, что наибольшее число «волчьих черт» (амбивалентных в мифопоэтической картине мира) приписано главному герою — Григорию Мелехову [5, с. 118–125]. Однако «волчьи» аллюзии встречаются в романе у разных персонажей и в разнообразных ситуациях.

Так, образ волка используется в сексуальном контексте: мужчина сравнивается с хищным зверем, а женщина — с его жертвой. «Рывком кинул ее Григорий на руки — так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу» [1, т. 2, с. 52]. Звериный подтекст (клыки и суживающиеся глаза) прослеживается в сцене флирта Дарьи и родственника Мелеховых, который, «общипывая ядреными клыками баранье ребро, Наверное, шептал Дарье непристойности, потому что та, *суживая глаза*, подрагивая бровями, краснела и посмеивалась» [1, т. 2, с. 102]. Степан Астахов, ревнуя ушедшую к Григорию Аксинью, «посеревший, дикий, в *волчьей* своей тоске, подкидывал к потолку голубенькие искромсанные шматочки [забытой Аксиньей кофты]; повизгивающая отточенная сталь разрубала их на лету» [1, т. 2, с. 180]. Вместе с тем неженатый мужчина также воспринимается как одинокий волк: «Иду вот к чужой жене на побывку, без угла, без жилья, как *волк буерачный*» [1, т. 2, с. 397].

Но чаще всего «волчьи» аллюзии встречаются при изображении людей на войне, причем с волками сравниваются представители всех противоборствующих сторон без исключения: солдаты Первой мировой, казаки, красноармейцы, бандиты. «А вот видишь как, — заторопился Григорий, и голос окреп в злобе, — людей стравили, и не попадайся! Хуже *бирюков* стал народ. Злоба кругом. Мне зараз думается, ежели человека мне *укусить* — он бешеный делается» [1, т. 2, с. 306]; «В опустелую улицу въехали с опаской. <...> *Въехали хищниками*, — так в глубокую зимнюю ночь появляются около жилья *волки*, — но улицы пустовали» [1, т. 2, с. 271]; «При входе в местечко он [Бунчук] едва не наткнулся на патруль и теперь шел с *волчьей* торопкостью <...> день лежал, зарывшись в стодоле в мякину» [1, т. 3, с. 24–25]; «Солдаты поглядели по сторонам, пожались в нерешительности и, как *волки*, гуськом, грязно-серой цепкой потянулись в залохматевшую осинником ложбинку» [1, т. 3, с. 190]; «Походом бы можно, — с расстановочкой заговорил Кривошлыков, но вдруг *ляскнул совсем по-волчьи зубами*, мелко затрясся, охваченный пароксизмом лихорадки. — Можно бы, если б меньше багажу» [1, т. 3, с. 361]; «Ни разу нас конница не надавила... *Сытый волк*, когда за ним верховые гонят, все, что сожрал, на бегу отрывает. Так и мои стервецы — все покидали бы, ежели бы нажали на нас как следует» [1, т. 5, с. 432]; «Отстреливаясь, когда увязавшиеся за ними милиционеры начинали наседать, Фомин и остальные уходили на восток, уходили, как преследуемые борзыми *волки*: изредка огрызаясь и почти не останавливаясь» [1, т. 5, с. 461].

Для конструирования персонажей Шолохову служат различные черты волка, приписываемые людям:

– крупные зубы, сильные челюсти: Григорий «пальцами достал из тарелки кусок вареной баранины, начал с таким *волчьим хрустом* дробить зубами твердоватый хрящ...» [1, т. 5, с. 147];

– особая походка: «Твердым, во всю ступню, *волчьим шагом* прошел чуть сутулый Каледин <...> Каждое движение его было налито твердой медлительной уверенностью, зрелой силой; обычно так держат себя люди, побывшие у власти» [1, т. 3, с. 242];

– неумение волка вращать головой: «Вахмистр, как волк, *не поворачивая шеи*, оглядел всех» [1, т. 4, с. 126];

– угрожающий и настороженный пристальный взгляд: «Как ни был пьян Григорий, он все же заметил и мертвенно побледневшее лицо Степана, и его *по-волчьи* вспыхнувшие глаза» [1, т. 5, с. 58–59];

– способность выть: «Не песня, а *волчий* нарастающий вой рвался из его [Лиховидова] оскаленного рта. На *острых клыковатых зубах* переливалась перламутром слюна» [1, т. 3, с. 44].

Пример текста, объединяющего несколько этих признаков: «Улыбаясь, топтал Митька землю легкими *волчьими ногами*, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой — шаг в шаг, в манере глядеть исподлобья зелеными зрачковыми глазами; даже в повороте головы — никогда не вертел Митька контуженной шеей — поворачивался всем корпусом, коли надо было оглянуться» [1, т. 3, с. 74].

Яркий волкоподобный персонаж романа — казак Чубатый (Алексей Урюпин), отличавшийся храбростью, быстротой реакции, мастерством рубки и бессмысленной жестокостью. С «хищным трепетом ноздрей» [1, т. 2, с. 327] он говорил о готовности убивать, причем рассуждал о человеке как о биологическом противнике: «Животную без потребности нельзя губить — телка, скажем, или ишо что, — а человека уничтожай. Поганый он, человек... Нечисть, смердит на земле, живет вроде гриба-поганки» [1, т. 2, с. 327]. Но самой яркой чертой, делающей его похожим на волка, был инстинктивный страх, который он нагонял на лошадей: «Григорий с удивлением замечал, что Чубатого беспричинно боятся все лошади. Когда подходил он к коновязи, кони пряли ушами, сбивались в одну кучу, будто зверь шел к ним, а не человек. <...> Он никогда не был коноводом. Со своим конем обращался ласково, холил его заботой, но всегда замечал Григорий: как только хозяин подходил к коню, по привычке не шевеля прижатые к бедрам руками, — по спине коня волною шла дрожь: конь беспокоился. “Ты скажи, угодник, чего от тебя кони полохаются? — спросил как-то Григорий. <...> *Волчиное* в тебе сердце, а может, и никакого нету, камушек заместо него заложенный”. — “Могет быть”, — охотно соглашался Чубатый» [1, т. 2, с. 327–328].

Образ волка связан и с особой судьбой. «Отделившиеся» батарейцы сопоставляют себя с бездомной собакой, которая убежала от хозяина: «Иная собака

не угодит хозяину либо нашкодит, уйдет из дому, а куда денется? К волкам не пристаёт — страшновато, да и чует, что они *звериной породы*, и к хозяину нельзя вернуться — побьет за шкуру» [1, т. 4, с. 376–377]. С судьбой «зафлаженного» волка сравнивается судьба оказавшегося в социальном и нравственном тупике Григория Мелехова.

Таким образом, в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» можно выделить несколько онтологических уровней повествования: 1) события, связанные с жизнью людей; 2а) события, происходящие с домашними животными; за исключением редких случаев они тесно связаны с жизнью человека — и мирной, и военной; 2б) события, происходящие с дикими животными; с жизнью человека они мало связаны; если домашние животные онтологически и сюжетно ближе к человеку, то дикие — ближе к природе; 3) природные события, чаще всего независимые от жизни людей.

Из анималистических образов семантически наиболее нагружены образы коня и волка, способствующие раскрытию авторской концепции мира и человека. При этом конь нередко становится полноценным персонажем произведения, участвует в повествовании непосредственно и активно, а волк чаще упоминается как метафора, отражающая характеристики людей. Конь — верный помощник казака как в мирном труде, так и на войне, он сопутствует человеку во все важные моменты жизни и нередко делит его судьбу. По семантике коню противоположен волк, и упоминание этого зверя создает напряжение в повествовании, раскрывает потенциальную агрессивность людей, втянутых в военные действия.

Через сопоставление с животными раскрывается мир людей, его соотнесенность с природой, многообразная деятельность, характеристики отдельных персонажей. В целом густонаселенный людьми и животными художественный мир «Тихого Дона» представляет собой особый космос, в котором все живое тесно связано между собой и имеет одну общую судьбу.

Библиографический список

Источники

1. Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956–1960.

Литература

2. Котовчихина Н.Д. Эпическая проза М.А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. М.: Таганка, 2004. 312 с.
3. Минакова А.М. Художественный мифологизм эпики М.А. Шолохова: Сущность и функционирование: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1992. 389 с.
4. Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: монография. Борисоглебск: БГПИ, 2007. 378 с.
5. Никитина Е.М. Анималистическая образность в прозе М.А. Шолохова 1920–1930-х годов (от «Донских рассказов» — к «Тихому Дону»): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2015. 187 с.

6. *Поль Д.В.* Универсальные образы и мотивы в русской реалистической прозе XX века (художественный опыт М.А. Шолохова). М.: ИХО РАО, 2008. 276 с.

References

Istochniki

1. *Sholoxov M.A.* Sobr. soch.: v 8 t. M.: Gos. izd-vo xud. lit., 1956–1960.

Literatura

2. *Kotovchixina N.D.* E`pichesкая proza M.A. Sholoxova v rusском literaturnom processe XX veka. M.: Taganka, 2004. 312 s.

3. *Minakova A.M.* Xudozhestvenny`j mifologizm e`piki M.A. Sholoxova: suschnost` i funkcionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02. M., 1992. 389 s.

4. *Murav`yova N.M.* Proza M.A. Sholoxova: ontologia, e`pichesкая strategiya xarakterov, poe`tika. Borisoglebsk: BGPI, 2007. 378 s.

5. *Nikitina E.M.* Animalistichesкая obraznost` v proze M.A. Sholoxova 1920–1930-x godov (ot «Donskix rasskazov» — k «Tixomu Donu»): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Voronezh, 2015. 187 s.

6. *Pol` D.V.* Universalny`e obrazny` i motivy` v rusской realistichesкой proze XX veka (xudozhestvenny`j opy`t M.A. Sholoxova). M.: IXO RAO, 2008. 276 s.

D.V. Gromov,

A.V. Gromova

People and Animals of «The Quiet Don»

M.A. Sholokhov's novel «The Quiet Don» features three ontological levels: human life, animals' life and nature. The first and the second aspects are closely interrelated, sometimes one and the same event occurs both with animals and people. Among the numerous animalistic images the most significant ones are a horse and a wolf. Horses are faithful companions to kazaks both in peaceful labour and at wars, and they are represented as independent characters. Wolfish features are used to describe people morally injured by war.

Keywords: M.A. Sholokhov; animalistic image; poetics of epic prose.